

А.Я. Райбекас

О ПРИРОДЕ ЗАБЛУЖДЕНИЙ

Заблуждение! Не правда ли, с этим феноменом мы сталкиваемся и в повседневной жизни, и тогда, когда пытаемся понять логику свершения тех или иных исторических событий, соотнести цели и достигнутые результаты поступков, деятельности отдельных личностей, других субъектов социального действия. Иными словами, мы говорим о заблуждении всякий раз, как результат деятельности (действия, поступка, поведения) оказывается весьма далеким (или вообще не соответствует) от того, который ожидался, в наступлении которого были убеждены, уверены, на который надеялись. По-видимому, именно этот, как правило, драматический опыт людей привел их к неутешительному выводу: "благими намерениями вымощена дорога в ад" и не менее обескураживающему современному варианту: "хотели как лучше, а получилось - как всегда".

Что же это за феномен? Какова его природа?

Историко-философское рассмотрение проблемы заблуждения показывает, что понимание заблуждения существенным образом связано с пониманием природы психического. Психея (душа), утверждали философы древности, органически присуща человеку; ее наиболее очевидное проявление - познавательное отношение человека к действительности; отсюда мудрость, ум - свойства души (Платон).

Поскольку ключевой проблемой философского анализа процесса познания является проблема истины, постольку заблуждение, которое, согласно тому же Платону, есть не что иное, как "отклонение мысли, когда душа стремится к истине, но пронесится мимо понимания" [1], рассматривается как момент процесса познания, проявляющий себя прежде всего в форме ложного, стало быть, неистинного знания. Сведение всей психической жизни человека к ее интеллектуальной образующей оказывается доминирующим на протяжении столетий, определяя прочную традицию рассмотрения заблуждения в ряду категорий познания как антитезы истинного знания (истины).

В последние десятилетия проблема заблуждения активно обсуждается в отечественной философской литературе [2], однако, как не трудно убедиться, ее философский анализ осуществляется в русле развития указанного выше подхода: под заблуждением понимают "ложный познавательный образ", вид "ошибочного отражения", "разновидность ошибки", "ложную мысль, которую субъект принимает за истинную", "форму неистинного знания" и т.д. И хотя авторы, исследующие данную проблему, не отрицают наличия у нее, помимо гносеологического, и других аспектов (например, психологического, логического, аксиоматического), ее рассмотрение, по сути, не выходит за рамки понимания человека как абстрактного субъекта познания, а выявляемых при этом факторов, ограничивающих получение истинного знания, - как детерминант заблуждения.

Нельзя сказать, что ограниченность сведения всего содержания психической жизни человека к ее гносеологическому аспекту в той или иной мере не осознавалась мыслителями прошлого. Так, Ф. Бэкон отмечал, что еще Аристотель утверждал: душа есть "принцип жизни, а не вещь", а "человеческий разум не сухой свет, его окропляют воля и страсти, а это порождает в науке желательное каждому. Человек скорее верит в истинность того, что предпочитает" [3]. Декарт также считал необходимым включить в рассмотрение проблемы понятие "воли", которая, "будучи обширней, чем ум, распространяется на вещи, которые ум не постигает. Именно благодаря воле выбирается ложь вместо истины и зло вместо добра: поэтому я ошибаюсь и грешу"[4].

Еще более убедителен в этом плане И. Кант. Он выделяет три способности человеческой психики: познавательную, оценочную (чувство удовольствия - неудовольствия) и волевую (способность, желания). Познавательная способность психики реализуется в форме рассудка, способности суждения и разума. "Способность суждения", согласно Канту, занимает промежуточное положение между рассудком и разумом, знанием и поведением человека; это состояние духа, в рамках которого посредством "продуктивного воображения" осуществляется синтез чувственности и рассудка. "Продуктивное воображение" - это, говоря современным языком, сфера бессознательного в психике человека; это состояние "свободной игры познавательных способностей", в результате чего "без наличия определенного понятия возникает благожелательная оценка, которая предшествует чувству удовольствия, придавая продуктивному воображению всеобщий характер" [5].

Выявление роли сферы бессознательного в познавательной деятельности весьма важно для понимания природы заблуждения, ибо в пределах рассудка, согласно Канту, могут быть лишь причины неведения, т.е. неполноты, несовершенства (иными словами, неистинности) знания, но не заблуждения. Причины, побуждающие субъекта принимать ложное за истинное, следует искать, по Канту, в незаметном влиянии субъективного на рассудок. В результате в процессе суждения субъективные основания истинности мы принимаем за объективные, т.е. всеобщие и необходимые, видимость истины смешиваем с самой истиной; в заблуждение человека вовлекает его "собственная склонность судить и решать там", где делать это адекватным действительности образом, в силу тех или иных причин, он не может. Вот почему "причину заблуждений мы должны приписать себе самим. Ибо природа, оставляя нас в неизбежном неведении, заблуждений не создает" [6].

Именно Канту принадлежит мысль о том, что "заблуждение" есть категория не столько теории познания, сколько психологии. В самом деле, среди факторов, влияющих на процесс формирования заблуждений, обычно выделяют

авторитетное мнение, веру, предрассудки, убеждения, побуждения (волю), мировоззрение, традиционные ценности, идеалы и некоторые другие.

Легко видеть, что указанные детерминанты заблуждений или характеризуют (сами представляют собой) определенное состояние психики человека (например, воля, убеждение, вера, предрассудок), или оказывают влияние на его формирование. Иными словами, заблуждение, видимо, действительно есть некоторое особенное состояние целостной психики человека.

Единство сознания и деятельности

Насколько обоснованным может быть такое понимание заблуждения? Ключевым моментом в реализации данного подхода является, на наш взгляд, диалектико-материалистическая концепция деятельностной сущности человека (К. Маркс), позволяющая понять исторический генезис сознания как деятельностного сознания (единство сознания и деятельности), динамику взаимодействия сфер (уровней) сознательного и бессознательного в рамках целостной психики человека как субъекта предметно-практической деятельности - личности.

Единство сознания и деятельности проявляется, прежде всего, в направленности (избирательном, предметном характере) деятельности, в основе которой лежит потребность как относительно устойчивое психическое состояние личности, которое характеризуется влечением к предметам реальной действительности (или замещающим их образам, формулируемым как цель), переживаемым как необходимое условие (актуального или возможного) существования личности [7].

Сознание позволяет человеку в каждый дискретный момент его деятельностного бытия строить модель своего "потребного будущего" (Н. А. Бернштейн), создавая (соответственно иерархии потребностей) сложную иерархию опорных (базовых) образов ожидания (от предельно общих, типа парадигм и т.п., до частных, но всегда эмоционально и социально значимых для личности), которыми человек руководствуется в своей жизнедеятельности. Мотивационная сфера личности, определяющая направленность поведения, деятельности в целом, включает помимо потребностей и другие компоненты, например, интересы, волю, веру, убежденность, намерения, цель, надежду, ценности (социальную значимость, предпочтение предмета) и др. В широком смысле сфера мотивации включает в себя все явления, "отвечающие" за инициацию и направленность выполняемых действий, и представляет собой специфический вид психической регуляции жизнедеятельности человека [8].

Именно через мотивационную сферу психики человека осуществляется "детерминация поведения человека миром" [9]. Мотивация влияет, направляет (регулирует) деятельность, а деятельность, в свою очередь, коррелирует отдельные компоненты мотивации и, таким образом, мотивационную сферу в целом. Помимо указанных выше элементов системной организации мотивационной сферы личности выделяют энергетический, содержательный и эмоциональный аспекты мотивации, а также уровни мотивации, в качестве которых выступают сознательный уровень регуляции и уровень неосознанных мотивационных тенденций [10]. Мотивационная сфера личности представляет собой, таким образом, сложноорганизованную динамическую систему, интегральным итогом взаимодействия элементов которой и определяется психическая регуляция действий, поступков, поведения, наконец, деятельности личности в целом.

Заблуждение как установка сознания

Напомним, что люди заблуждаются не потому, что не знают, а потому, что "склонны считать", "воображают себя знающими" и т.п. Не трудно видеть, что заблуждение состоит не в том, что субъект в силу тех или иных причин не знает (или знает недостаточно хорошо); как известно, субъект деятельности никогда не обладает абсолютно адекватным действительности знанием в силу как субъективных, так и объективных причин, условий своей деятельности. Иными словами, гносеологическим содержанием заблуждения всегда является относительно истинное знание. Выявление этой стороны феномена заблуждения, конечно, важно, но недостаточно для понимания природы заблуждения. В данном случае дело не в факторах (детерминантах), ограничивающих истинность нашего знания (именно в этом аспекте традиционно рассматривается заблуждение), а в той роли, которую играет мотивационная сфера личности на формирование некоего особенного состояния ее психики, которое характеризуется спектром таких понятий, как "склонность", "уверенность" ("вера"), наконец, "убежденность" личности в соответствии образа действия (поведения, деятельности) реальной логике бытия предмета и условиям деятельности. Иначе говоря, сами по себе люди не заблуждаются, а впадают в заблуждение [5].

Психофизический механизм формирования подобного состояния личности может, на наш взгляд, быть понят на основе разрабатываемой грузинской школой психологов (Д. Уznaдзе и др.) концепции установки как общепсихологической теории, позволяющей объяснить природу психической активности человека, его поведение [11].

Установка - бессознательное психическое явление. Сегодня уже не вызывает сомнения, как отмечал Д. Уznaдзе, что "сознательная духовная жизнь составляет лишь незначительный отрезок всей нашей психической активности. Существует, во всяком случае, не менее важная сфера психической жизни, известная под названием подсознательного или бессознательного и покрывающая значительную часть всей активности нашей психики [11, с. 82]. Установка, определяя поведение, существует бессознательно и без помощи сознания оказывает влияние на активность человека..."; "она... представляет собой организующую и фокусирующую жизненные силы индивида целостную

систему" [12], выполняя роль функционального эквивалента сознания и разума человека на бессознательном уровне его психики.

То, что установка существует "без помощи сознания", не означает, однако, что сфера сознания не оказывает влияния на формирование самой установки. Напротив, сознание может способствовать или мешать возникновению, фиксации и действию установки. Иными словами, психологическая активность индивида, создающая возможность осуществления им целесообразного поведения, совершается на базе единства сознательных и бессознательных процессов, их взаимовлияния, взаимоперехода в границах целостной психики человека. Так, было выяснено, что установка не всегда непосредственно переходит в поведение; порой она прокладывает путь в сознание и находит там свою реализацию: реализацию не в самом поведении, а в воображении этого поведения, в психическом эквиваленте реального поведения. После многократного действия (поведения) на основе такой установки последняя закрепляется и превращается в бессознательное психическое состояние.

Выделяют два уровня психической активности индивида и соответствующие им установки:

- установки низшего уровня психической активности. Они представляют собой предварительную готовность индивида к действию в определенном направлении. Эта форма установки возникает под непосредственным воздействием потребности индивида и предметной среды; она обуславливает целесообразное протекание импульсивного поведения и связанных с ним процессов;

- установки второго, высшего уровня психической активности. Это более сложные формы установки, в создании которых, помимо указанных выше факторов, принимают участие мышление и воля.

После повторного (многократного) осуществления своих осмысленных и морально выверенных действий люди зачастую выполняют их затем без какого-либо специального осознания, тем самым эти последние переводятся на первый уровень психической активности, совершаются ресурсами данного уровня [12, с.230]. В данном случае индивид осуществляет свое поведение в "привычном направлении" до того самого момента, когда его активность приходит в конфликт с предметной действительностью: индивид прерывает свое поведение и пересматривает, заново переживает мешающий ему предмет (акт объективации), что позволяет, в конечном счете, дать более точную (и более полную) категоризацию предмета. Другими словами, в результате объективации человек получает знания и опыт относительно своей предметной среды (предметной действительности) и взаимодействия с ней. Назначение второго уровня психической активности в том и состоит, чтобы посредством теоретического анализа того, что мешает, создать возможность целесообразного продолжения поведения [12, с.235].

Сказанного о природе и механизме формирования установки как основы психической регуляции поведения деятельности человека достаточно, чтобы подойти к рассмотрению феномена заблуждения с иных, не традиционных позиций.

Не трудно видеть, что заблуждение связано с так называемой "вторичной установкой", формирующейся в результате генерализации прошлого опыта деятельности и относящейся не к выделению предмета (направления) деятельности, не к содержанию деятельности и знанию о ней, а к опыту применения знания, к оценке образа деятельности (ее проекта, знания) как достоверного, истинного. Иначе говоря, человек заблуждается не потому, что не обладает исчерпывающей полнотой истинного знания о предмете (целях, средствах, условиях) деятельности, а потому, что определенным образом относится к этому своему знанию (опыту). Это отношение реализуется как особенное состояние, "модус" психики человека в форме неосознаваемой готовности, "склонности" и т.п. полагать содержание сознания (знание) достаточным (достоверным, истинным) для создания образа и плана деятельности (действий, поступков, поведения), адекватных актуально осуществляемой деятельности. Такая установка создается в результате взаимодействия различных компонентов мотивационной сферы (уровней мотивации) и, в свою очередь, составляет важный элемент формирования общей установки на деятельность (поведение); таким образом, рассмотрение явления заблуждения необходимо переносится из плоскости теории познания в плоскость психологии, из области выяснения факторов, детерминирующих неистинность знания, в область выявления факторов, обуславливающих, порождающих "доверие" субъекта деятельности к актуально наличествующему знанию, прошлому опыту, к оценке их как знания и опыта, руководствуясь которыми можно успешно, с высокой степенью эффективности осуществлять свою деятельность (поведение). В формировании такой установки участвуют, очевидно, все аспекты (факторы) психической жизни человека: познавательный (мышление), эмоционально-оценочный и волевой, наличествующие и взаимодействующие (взаимовлияющие) друг с другом в конкретно-историческом контексте межличностных (социальных) отношений людей. В этой связи следует особо подчеркнуть значение таких детерминант заблуждения, как идеалы (образ необходимого и желаемого), вера, убеждение, надежда. Каково действительное место и значение каждого из них в формировании позитивной установки к образу и плану возможного поведения (деятельности) - задача исследования причин конкретного заблуждения.

Установка представляет собой психологическую готовность к поведению (деятельности). Поэтому выявление факта заблуждения возможно не только в процессе актуализации установки в деятельности личности, но и на вербальном уровне, в процессе межличностного общения. Это создает определенные возможности и предпосылки для выявления заблуждения как неизбежного спутника деятельности человека, а также для постановки задачи его преодоления.

Заблуждение как фактор исторической деятельности людей

Весьма важен вопрос о субъекте заблуждения. До сих пор речь шла о заблуждении как явлении психической жизни человеческого индивида, личности. С точки зрения концепции деятельности как субстанциальной основы жизни общественного человека в ходе исторического развития общества возникает сложная многоуровневая система субъектов деятельности: отдельная личность, различные (малые, средние, большие) социальные группы, наконец, общество в целом. Это означает, что субъектом заблуждения может быть не только отдельная личность, но и всякий коллектив людей (социальная группа), выступающий (при определенных конкретно-исторических и социальных условиях) как единый субъект деятельности. Иначе говоря, заблуждаться может не только отдельный человеческий индивидуум, но и, скажем, какая-то семья, производственный коллектив, класс, поколение людей и даже народ (нация), а в будущем, возможно, и человечество в целом (если, конечно, оно когда-либо будет выступать как единый субъект некоторой деятельности).

В самом деле, в определенном социально-историческом контексте некоторое сообщество (коллектив) людей действительно выступает как единый субъект конкретной деятельности (поведения), например в ходе забастовки, войны, социальной революции и т.п., и, таким образом, может заблуждаться, скажем, относительно действительных целей, лозунгов, программ того социального движения (деятельности), в котором они участвуют. Это означает, что проблема заблуждения есть проблема не только психологии личности, но и социальной психологии. Концепция "коллективного бессознательного" К. Юнга как выражение "духа времени" в психике индивида [15], выявленная Т. Куном роль системы теоретических стандартов, методологических норм, ценностных и мировоззренческих установок (парадигмы) в научном познании [16], исторический опыт человечества делают такой вывод вполне обоснованным. Это означает, что психологический и социально-психологический аспекты исторического действия должны представлять важнейший предмет научного познания. Однако эта сторона исторических событий в советской и постсоветской историографии, несмотря на теоретические декларации, исследуется явно недостаточно: акцент, как правило, делается на анализе объективных (закономерных и случайных) факторов процесса и в меньшей степени - на субъективных.

Вместе с тем, именно история России со всей очевидностью свидетельствует о том, что нигде так ясно, как в период революционных преобразований, не очерчивается тот факт, что ни разу ни одна программа более или менее серьезного социально-экономического преобразования российского общества не была реализована так, как оно (преобразование) задумывалось, осмысливалось его инициаторами и активными участниками, несмотря на научную обоснованность идеологии движения и фанатичную преданность как вождей, так и массы рядовых участников движения его целям, задачам и идеалам.

Справедливости ради заметим, что история российского общества в этом плане отнюдь не составляет какое-либо исключение. Заблуждение, как было показано выше, - неизбежный спутник деятельности людей. Что же касается сложной, драматической истории формирования заблуждений у участников российского революционного движения, то она достаточно убедительно представлена, в частности, Н.А. Бердяевым в книгах "Истоки и смысл русского коммунизма", "Судьба России" и др.

В связи с феноменом заблуждения весьма актуальным оказывается вопрос о нравственной ответственности субъекта деятельности за свои деяния. С точки зрения предложенного понимания природы заблуждения очевидно, например, что историческое прошлое не может оцениваться с позиций нравственных критериев потомков (за исключением, возможно, случая, когда речь идет о деяниях, направленных против человечества).

Проблема преодоления заблуждения Заблуждение и философия

Остановимся на той неоднозначной роли, которую играют философское размышление, философия в процессе формирования и функционирования установки "доверия" к знанию относительно образа и плана конкретной деятельности (поведения). В этой связи необходимо, очевидно, иметь в виду не только взаимодействие сфер сознательного и бессознательного в целостной психике индивида, но и взаимосвязь уровней собственно сферы сознания (например, уровней так называемого обыденного и теоретического сознания).

Если воспользоваться известным в истории философского познания определением философии как выражения самосознания эпохи (общества), то на уровне сознания личности самосознание последней реализуется в форме философского размышления. Это уровень функционирования освоенного индивидом знания и генерализации собственного личностного социального опыта.

Не трудно видеть, что роль и значение философии как систематизированного теоретического знания о мире, человеке, их взаимодействии друг с другом в единстве всех ее (философии) социально-значимых функций (мировоззренческой, методологической, синтеза знания и социального опыта и др.) увеличиваются по мере того, как мы продвигаемся по "лестнице" социальной организации субъектов деятельности: индивид, социальная группа, наконец, общество конкретной исторической эпохи в целом. Это надо иметь в виду, когда мы пытаемся понять идеологический контекст (или основу) как индивидуальных, так и массовых форм заблуждения.

В сложной динамике соотношения сознательного и бессознательного в целостной психике личности философское размышление (философия) оказывает непосредственное или опосредованное влияние на многие важные компоненты мотивационной сферы личности, участвующие в созидании установки "доверия" к имеющимся в

распоряжении субъекта деятельности знаниям (через осмысление самой потребности в истинности образа и плана предметной деятельности), ценности такого знания и его критериев, формирование интереса к этому аспекту функционирования знания и побуждения к удовлетворению этой потребности, наконец, на образование надежды и связанных с ней и всем вышеназванным верой и убеждением в возможность и необходимость экстраполяции (продолжения) опыта прошлой деятельности на предстоящую и т.д.

Эмоционально-ценностный аспект, необходимо присутствующий в определенной степени и в философском осмыслении действительности (наряду с той вполне самостоятельной ролью, которую, по-видимому, играет эмоционально-ценностная сторона целостной психики личности в формировании заблуждения), оказывается тем посредствующим звеном, наличие которого позволяет рационально осмысленный опыт деятельности переводить на уровень бессознательного.

Итак, осуществляя обобщение, синтез конкретно-научного знания и исторического опыта человечества, реализуя свою мировоззренческую и методологическую функции, философия может оказать влияние на формирование заблуждения. Эта роль философии особенно ярко проявляется тогда, когда она при определенных социальных условиях выступает как якобы единственно истинная идеология человека, социальной группы (класса), конкретного общества; воспринимаясь и усваиваясь в этих условиях, как правило, "на веру", догматизируясь, она создает мировоззренческую и методологическую основу и предпосылки регуляции деятельности людей на базе абсолютного доверия (непререкаемой истинности) ценностям, целям и доктринам этой идеологии.

Заблуждение "как психическое явление выступает естественным и неизбежным спутником деятельности (поведения) человека. Это отнюдь не означает, что человек заблуждается всегда и при любых обстоятельствах своей жизнедеятельности. Возникает вопрос: "Можно ли избежать заблуждений или, по крайней мере, свести их наличие к оправданному с точки зрения эффективности человеческой деятельности минимуму?" Положительный ответ связан с философским анализом проблемы заблуждения и особенностями самого философского осмысления действительности - его критичностью. Уместно напомнить, что критичность заложена в основании, сути философского размышления, начиная с самого момента зарождения философии в недрах мифосознания. С этой особенностью философского размышления связано принципиальное многообразие (нелинейность и многомерность) философского видения мира. Именно критичность вкупе с синтезирующим (обобщающим) характером философского размышления личности позволяет ей в максимально возможной, при данных конкретных условиях деятельности, степени приблизиться к определению действительных границ экстраполяции конкретно-научного знания и социального опыта на будущее (возможное) продолжение деятельности.

Легко видеть, что для каждой отдельной личности это зависит от того, в какой мере данная личность сумеет освоить богатство культуры, накопленной человечеством, какова содержательная база личности, ее возможностей как субъекта деятельности. Отсюда, памятуя о том влиянии, которое оказывает сфера сознания на область бессознательного в целостной психике личности, вытекает необходимость воспитания и развития у личности определенной культуры мышления и чувств, в основе которой метод и стиль мышления, адекватные объективной логике бытия предмета и условиям его познания, а также критичность как методологический принцип. Последняя (критичность) как особенность мышления наиболее успешно формируется и развивается в процессе знакомства с историей философского познания действительности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Платон. Соч.: В 3 т. Т.2. М., 1970. С.339.
2. Архипов А.П. Противоречивое соотношение истины и заблуждения в генезисе знания: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Киев, 1982; Белослюдова В.В. Гносеологическая роль понятия заблуждения в структуре относительной истины: Автореф. дис.... канд. филос. наук. Фрунзе, 1984; Селиванов Ф.А. Истина и заблуждение. М., 1972; Заботин П.С. Заблуждение как проблема научного познания: Автореф. дис.... д-ра филос. наук. Ростов н/Д., 1982; Минасян С.А. Диалектика истины и заблуждения: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д., 1982; Окладников А.П. Заблуждение как феномен индивидуального сознания: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Иркутск, 1978 и др.
3. Бэкон Ф. Соч.: В 2 т. Т.1. М., 1978. С. 22.
4. Декарт Р. Избр. произв. М., 1950. С. 376-377.
5. Кант И. Критика чистого разума: Соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1966.
6. Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 361.
7. Социальная психология. М., 1975. С. 77.
8. Асеев В.Г. Мотивация поведения и формирование личности. М., 1976; Москвичев С.Г. К вопросу о методологии исследования проблемы мотивации/Философская и социологическая мысль. 1991. № 4.
9. Рубинштейн С.Л. Человек и мир/Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1953. С. 370.

10. Бассин Ф.В. Проблема бессознательного. М.: Медицина, 1968; Асеев В.Г. Мотивация поведения и формирование личности. М.: Мысль, 1976; Надирашвили Ш.А. Установка и деятельность. Тбилиси, 1987.
11. Надирашвили Ш.А. Установка и деятельность. Тбилиси, 1987; Бассин Ф.В. Проблема бессознательного. М., 1968; Бассин Ф.В., Вожнов В.Е. О современном подходе к проблеме неосознаваемой психической деятельности (бессознательного) // Вопр. философии. 1975. № 10.
12. Надирашвили Ш.А. Установка и деятельность. Тбилиси, 1987.
13. Хьюбшер А. Мыслители нашего времени. М., 1962.
14. Кун Т. Структура научных революций. М., 1978.
15. Ортега-И-Гассет. Что такое философия? М., 1991.